

Решения и нерешительность ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОЧТЕНИЯ КАРЛА ШМИТТА¹

БЕННО ТЕШКЕ

В 1989 ГОДУ Юрген Хабермас заявил, что философия Карла Шмитта вряд ли будет иметь «в англосаксонском мире ту же заразительную силу», какую имели идеи Ницше и Хайдеггера². Опозоренного «серого кардинала» времен укрепления нацистского блока (в ФРГ Шмитт стал, по крайней мере публично, едва ли не табуированной фигурой) отделяла от царящих в англосаксонском мире либеральных порядков и нравов слишком уж глубокая духовная пропасть, которая казалась непреодолимой. Два десятилетия спустя подобные предсказания могут показаться наивными. Более того, обозначенный Хабермасом тренд сменился на противоположный. Хотя влияние Шмитта в немецком публичном дискурсе и научных кругах усиливается, проявляясь все отчетливее, оно все же не свободно от моральных ограничений, препятствующих полному и безоговорочному принятию бывшего протеже Геринга. В то же время посвященная Шмитту англо-американская литература (за исключением нескольких заметных критических выступлений) реабилитировала его почти без оговорок. В ней Шмитта представляют двояко. Либо он оказывается авторитарным и отчасти даже фашистским мыслителем, провозвестником и союзником неоконсервативной революции, подхватившей выдвинутую Шмиттом концепцию чрезвычайного положения и его понятие политического. Либо его идеи интерпретируются как радикальная критика всемирно-исторической ситуации, характеризуемой

1. Перевод выполнен по изданию: © *Teschke B. Decisions and Indecisions. Political and Intellectual Reception of Carl Schmitt // New Left Review. January–February 2011. P. 61–95.*

2. *Habermas J. The Horrors of Autonomy: Carl Schmitt in English // The New Conservatism: Cultural Criticism and Historians' Debate. Cambridge, MA: The MIT Press, 1989. P. 135.*

либеральным империализмом, стирающим все геополитические противоречия и различия³. Это двойственное прочтение философии Шмитта позволило взять в клещи кантианский либерально-космополитический мейнстрим.

Наблюдаемое сегодня возрождение интереса к Шмитту отмечено двумя всемирно-историческими цезурами. Первая связана с консервативным «духовно-нравственным поворотом» Гельмута Коля и объединением Германии, вторая — с политикой президента Буша после 11 сентября 2001 года. Если первая волна «шмиттианы» в 1980-х и 1990-х годах была большей частью ограничена изучением критики Шмиттом либерализма и парламентской демократии (и таким образом, касалась только проблем внутренней политики и права), то вторая расширила его влияние на поле международных отношений, политической философии и теории международного права⁴. Здесь, как и прежде, идеи Шмитта в значительной мере лишаются контекстуальной связи с нацизмом и отделяются от приверженности и пособничеству нацистской политике. Английские переводы объемных сочинений Шмитта по-прежнему активно издаются, пусть и весьма избирательно. Прежде всего следует отметить публикацию в 2003 году английского перевода «Номоса земли в праве народов *Jus Publicum Europaеum*»⁵.

3. О рецепции Шмитта в Германии см.: *Darhstadt T.* Der Mann der Stunde: Die Unheimliche Wiederkehr Carl Schmitts // *Der Spiegel*. 2008. № 39. P. 160–161. По поводу важнейших критических оценок, высказываемых в наши дни, см.: *Holmes S.* The Anatomy of Antiliberalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993; *Scheuermann W.* Carl Schmitt: The End of Law. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999; *Lila M.* The Reckless Mind: Intellectuals in Politics. N.Y.: New York Review Books, 2001; *Muller J.-W.* A Dangerous Mind: Carl Schmitt in Post-War European Thought, New Haven, CT: Yale University Press, 2003. Примеры более однозначной реабилитации Шмитта: *Mouffe C.* On the Political. L.: Routledge, 2005; *Zizek S.* Carl Schmitt in the Age of Post-Politics, и другие статьи в сборнике: *The Challenge of Carl Schmitt / C. Mouffe (Ed.)*. London: Verso, 1999; *Хардт М., Хегри А.* Империя. М.: Праксис, 2004; *Zolo D.* Invoking Humanity: War, Law and Global Order. L.; N.Y.: Continuum International, 2002; *Rasch W.* Sovereignty and Its Discontents: On the Primacy of Conflict and the Structure of the Political. L.: Birkbeck Law Press, 2004; *Агамбен Дж.* Homo Sacer: Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011; *Stirk P.* Carl Schmitt, Crown Jurist of the Third Reich. Lewiston, NY; Lampeter: Edwin Mellen Press, 2005; *Shapiro K.* Carl Schmitt and the Intensification of Politics. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2008.
4. Оценки работ Шмитта в области международных отношений см. в: *The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, Liberal War and the Crisis of Global Order / L. Odysseos, F. Petito (Eds.)*. L.: Routledge, 2007; *Hooker W.* Carl Schmitt's International Thought: Order and Orientation. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press 2009; *Slomp G.* Carl Schmitt and the Politics of Hostility, Violence and Terror. L.: Palgrave Macmillan, 2009.
5. *Шмитт К.* Номос Земли. СПб.: Владимир Даль, 2008. Основные работы, написанные Шмиттом в период нацизма, — это прежде всего книга 1939 года «Порядок большого пространства в правах народов и запрет на интервенцию

Двойное обаяние Шмитта — как современного классика государства, опирающегося исключительно на исполнительную власть, и знаковой фигуры, выступавшей против либерального универсализма, — способствовало сближению позиций на нелиберальном политическом фланге, создав удивительное *complexio oppositorum*⁶, если не совпадение соответствующих оценочных посылок. Критический настрой Шмитта служит общим фоном для неприятия принципиально постполитического нелиберального порядка, выражающегося в дискурсе глобализации, который после 11 сентября 2001 года подвергся резкой политизации неавторитарного толка, ныне приняв форму дискурса империалистического и имперского. Такое положение дел, по-видимому, доказало двойную правоту Шмитта: его анализ основного тренда XX столетия как «века нейтрализаций и деполитизаций» может сегодня соединяться с едва ли не перманентным исключительным положением (и даже исключением, ставшим правилом), что позволяет концептуализировать сегодняшний всемирно-политический момент⁷. Эта новая констелляция включает в себя и сверхполитизированную неоконсервативную администрацию США, которая действует вне традиционных рамок международного права, нейтрализуя младших партнеров по капиталистической системе и вытесняя любую международную политическую оппозицию — террористов, пиратов или «государства-изгой» — с поля легитимной геополитики. На горизонте этого набросанного Шмиттом апокалиптического ландшафта вырисовывается замкнутый мир без внеположных политических сил — *Pax Americana*. В данном контексте словарь Шмитта — включая понятие политического, оппозицию «друга» и «врага», чрезвычайное положение, децизионизм, исполнительное правительство, *nomos*, панрегионы, панинтервенционизм и понятие недискриминационной войны — не только выполняет важную функцию актуализации и обновления господствующего лексикона международных отношений, но и становится, по сути, значимым идиоматическим инструментом социальных наук в целом, служащим мощным контрнарративом общепринятому империалистическому либерализму⁸. Карл Шмитт — наше всё!

пространственно чуждых сил» (Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte) и ряд статей, оправдывающих законы о чрезвычайных полномочиях 1933 года и ликвидацию руководителей СА (вроде знаменитых Das Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich и Der Führer schützt das Recht), — либо остаются непереведенными, либо опубликованы малоизвестными издательствами. Ср: *Schmitt C.* Four Articles: 1911–1938 / S. Draghici (Ed.). Corvallis, OR, 1999.

6. *Лат.* «переплетение противоположностей». — *Прим. пер.*

7. *Schmitt C.* The Age of Neutralizations and Depolitizations [1929] // *Telos*. Summer 1993. № 96. P. 96.

8. Теперь даже Хабермас рассматривает вопрос мирового порядка как противо-

1. ЗАКОН И ПОРЯДОК ПО ШМИТТУ

В чем секрет современности и актуальности Карла Шмитта? Аргументы в их пользу опираются на общее согласие с выдвинутой Шмиттом интерпретацией эпохи *ius publicum*⁹ — свода принципов и практик ранненовременного международного права, господствовавшего приблизительно в период с 1492/1648 годов до Первой мировой войны в качестве действующей системы правовых норм, регулировавших эксцессы межгосударственной анархии в геополитическом мультиверсуме, но не разрушавших сущность суверенной государственности — публичного и суверенного решения о ведении войны. Это единство пространства и права, которое Шмитт определял как *nomos*, противопоставляя его средневековому и либерально-капиталистическому *cosmos*, крепится на пяти категориях: государстве как единственном легитимном субъекте войны и мира; секуляризованном и абсолютном суверенитете государства; исполнительной власти как конечном арбитре исключительного положения; идее *iustus hostis*, справедливого врага; наконец, на связанном с этими положениями понятии «недискриминационной войны». По Шмитту, монополизация войны государствами, то есть *ius belli ac pacis*, права войны и мира, устранила насильственные конфликты из идеологической борьбы «гражданского общества» и сконцентрировала организованное насилие на уровне государства. Присвоение абсолютистскими государствами монополии на насилие формализовало двойное различие. Во-первых, было проведено различие между публичным и частным, что позволило делегитимировать и разоружить частных акторов (феодалов, города, сословия, пиратов и военные ордены) в период возвышения государства как единственного субъекта международных права и политики. Во-вторых, различие между «внутренним» и «внешним», отделяющее внутренне нейтрализованное и умиротворенное «гражданское общество» от международной сферы межгосударственных войн и перемирий. Такой дуализм укрепил различие между международным публичным и частным уголовным правом.

В то время как война оставалась совершенно необходимым и неустраняемым проявлением сущности политических сообществ, в действительности сущностью «политического» как такового, высочайшим достижением публичного права периода раннего

борство кантианского и шмиттовского проектов. *Habermas J. The Divided West*. Cambridge, UK: Polity Press, 2006. P. 188–193. Критический анализ господствующего либерально-космополитического течения дан в работе: *Gowan P. Neoliberal Cosmopolitanism // New Left Review*. September–October 2001. № 11. P. 79–93.

9. Лат. «публичное право». — Прим. пер.

Нового времени было обращение обобщенного коллективного насилия, то есть непрекращающейся европейской гражданской войны, в «войну по форме», которую вели исключительно юридически признанные государства, причем по определенным правилам и соглашениям. Согласно Шмитту, этот сдвиг предопределил строгое различие воюющих и нейтральных лиц, комбатантов и некомбатантов, состояния войны и состояния мира. Шмитт называл эти достижения «ограничением войны», которое он одобрял как проявление цивилизации, рационализации и гуманизации войны. Новременная межгосударственная война — это война равных. Ее стали вести в соответствии с определенными — интерсубъективно принятыми и обязательными к исполнению — соглашениями международного права, сочетающими право на ведение войны (*ius ad bellum*) с правами войны (*ius in bello*), причем последнее предполагало также возможность заключения мирного договора на равных условиях. Право на войну было разведено с соображениями «законной причины» (*iusta causa*), которую объявили несущественной при определении легитимности войны. Это привело к возникновению «недискриминационной концепции войны», вытеснившей средневековые доктрины справедливой войны. Причины объявления войны, выведенные, таким образом, за рамки права, были вынесены за пределы любых юридических, моральных или политических суждений, что предполагало сохранение за врагом, даже во время войны, статуса «законного врага», а не супостата, преступника или варвара. В этом плане мораль была разведена с собственно политикой. В межгосударственных отношениях на смену разрушительному моральному универсализму, выражавшемуся в религиозных войнах XV и XVI веков, пришел благотворный моральный релятивизм. Соответственно, *ius publicum* предполагало окончательный разрыв со средневековыми теориями справедливой войны, основанными на моральном универсализме *respublica christiana*¹⁰.

Это новое понятие войны как акта одновременно публичного (то есть возможного лишь между государствами), поставленного в определенные рамки (то есть обусловленного рациональными правилами ведения) и недискриминационного (то есть нравственно нейтрального) резко контрастировало с предшествующей средневековой практикой насилия. В феодально-христианской Европе статус служилой знати и особенно институт «феода» стирали все различия между частным и государственным, а равно внутри- и внешнеполитическим. Врага за пределами феодально-христианской Европы считали, безусловно, варваром; по определению это грозило ему уничтожением, что

10. Лат. «христианская республика». — Прим. пер.

и продемонстрировали крестовые походы. Сдвиг от средневекового *ius gentium*, права народов, к *ius inter gentes*, праву между народами, создал исторически беспрецедентный, образцовый номос, способный соединить неограниченный государственный суверенитет с усмиряющим анархию международным правом.

Версаль и после Версаля

Эта логика рассуждений постоянно применялась Шмиттом для критики последовавшей за Первой мировой войной криминализации Германской империи как «страны вне закона», политический статус которой как суверенного государства был отменен «Версальским диктатом». Поскольку Германию не допустили к мирным переговорам и «виновность в развязывании войны» и «военные преступления» не были юридическими понятиями в межгосударственных отношениях (*nullum crimen, nulla poena sine lege*¹¹), их формулирование и включение в международное право после 1919 года превратило публичное межгосударственное право в зарождающееся всемирное внутреннее право, начавшее — благодаря введению нового «дискриминационного понятия войны» — заново морализировать и затягивать в пространство внутреннего права сферу внешней политики. В результате в определении законности войны снова стали участвовать соображения справедливости. По Шмитту, этот сдвиг выхолостил сущность политического, заключающуюся в суверенном решении идти войной на врага. Тем самым Версальский договор аннулировал основополагающий принцип классического *ius publicum*, разрушив статус войны как автономной, наиболее чистой и высокой формы межгосударственных отношений. Версаль превратил войну в полицейскую операцию, заново ее приручив. Хуже того, обращение Вильсона к концепции человечности снова связало постверсальские концепции международного права со средневековыми доктринами справедливой войны, тяготевшими к полному отрицанию «законного врага» и низведению его до положения врага человечества, то есть не-человека. Соответственно, так возник новый, собственно либеральный способ ведения войны, более тотальный по своим целям в сравнении с заключенными в скобки, ограниченными европейскими войнами до 1914 года, поскольку он был нацелен — после убийства не-людей — на прямую трансформацию политики, общества и индивидов: на производство либеральных субъектов.

Некоторые последователи Шмитта обнаруживают в гордыне, свойственной внешней политике США после окончания холод-

ной войны — с ее морально укрепившимся дискурсом борьбы добра со злом, всего человечества с терроризмом, с отрицанием возможности сохранить нейтралитет, — простое возвращение призрака Версаля. Пусть и в более осязаемой форме. Оно — лишь элемент намного более общей и, по существу, постоянной тенденции во внешней политике США периода после Первой мировой войны и связанного с ней пересмотра международного права. Апелляция к человечности при этом парадоксальным, но логичным образом ведет к деполитизации прежних «законных врагов», их превращению в людей вне закона, даже к их дегуманизации через причисление к недругам, а также к радикализации и звериному ожесточению военных действий через их трансформацию в акт тотального уничтожения; к возрождению попытки как легитимного средства, применяемого в отношении тех, кто заведомо не является участником военных действий, и к структурной невозможности заключения мира при отсутствии законного противника — к войне без конца, срок которой истечет лишь тогда, когда либо уничтожат последнего террориста или без суда посадят его тюрьму, либо воссоздадут его в качестве либерального субъекта. В «войне с террором» также можно увидеть новое воплощение провозглашенной Вильсоном «войны за прекращение всех войн», парадоксальным образом не имеющей конца в пространстве и времени и тотальной по своим целям.

Тотализующий характер «либерального способа ведения войны» неизменно предполагает либеральную трансформацию государств, обществ и индивидов, в отношении которых применяется. Этот способ характеризуется структурной неспособностью оставить побежденное государство и его общество нетронутыми или реинтегрировать их в «международное сообщество» — историческая практика, идеальным примером которой был одобренный Венским конгрессом прием постнаполеоновской Франции в «Европейский концерт» без приведения ее конституционного и социального устройства в соответствие с либеральными нормами. Строго говоря, «либеральный способ ведения войны» не заслуживает более названия «войны» — отсюда вся суматоха вокруг понятия «война с террором»: он превратился в серию полицейских акций, включая биополитизацию населения, известную как гуманитарная интервенция. Более того, после 11 сентября «война с террором» не является отступлением от более законных космополитичных форм международной политики, поскольку воплощает собой, несмотря на «неоконсервативный поворот» администрации США, интенсификацию логики либерального мироустройства. В конечном счете этот довод сводится к тому, что ныне происходит возврат к гражданским войнам периода до Вестфальского мира, пусть даже формируе-

11. Лат. «без закона нет ни преступления, ни наказания». — Прим. пер.

мое Америкой «мировое единство» чрезвычайно повысило ответственность универсального права в глобальный век, определяемый как «беспредельный универсализм», движимый идеологией «панинтервенционизма».

Названные процессы вписаны в долгосрочную логику всемирно-исторического отдаления от шмиттовского золотого века ограниченных межгосударственных войн, который в ретроспективе представляется — и возводится в соответствующий статус — как высочайшее достижение европейской цивилизации, как гений европейской юриспруденции. Кроме того, некоторые современные наблюдатели снова мобилизовали, на этот раз в нормативном плане, выдвинутую Шмиттом идею *Großraum* — обширной территории, или панрегиона, как элементарного блока для строительства антикосмополитической, антиуниверсалистской организации международного порядка, основанного на множестве сосуществующих «больших пространств», каждым из которых руководит одна из имперских держав. Предполагается, что в условиях надвигающейся угрозы «беспредельного универсализма» панрегионы станут гарантией против превращения мира в гомогенное и плоское либеральное пространство. Такие гарантии абсолютно необходимы для сохранения различий и плюрализма — по-настоящему необходимы для сохранения самой возможности политических различий, различий между другом и врагом, оформленных во взаимоисключающих региональных блоках. Эти идеи в своей совокупности представляют собой мощный контрнарратив по отношению к господствующему дискурсу либерального космополитизма и концептуальный аппарат, позволяющий его описывать, а потому они требуют нового тщательного изучения.

2. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ

В этом весьма нагруженном контексте книга Райнхарда Меринга «Карл Шмитт: взлет и падение», анонсированная издателем в качестве фундаментальной биографии, должна стать долгожданным разъяснением, проливающим свет на значение не всегда понятного, но яркого мыслителя, который уже после своей смерти изменил концептуальные координаты дебатов о власти в мире¹². Меринг — подходящая кандидатура для выполнения этой задачи. В настоящее время он — профессор политической теории в Педагогическом институте Гейдельберга, его специали-

12. *Mehring R.* Carl Schmitt: Aufstieg und Fall, eine Biographie. München: Beck-Verlag, 2009.

зация — политическая теория. Он защитил докторскую диссертацию по Карлу Шмитту во Фрайбургском университете, а габилитационную степень, позволяющую занимать профессорскую должность в университетах, получил благодаря работе по политической философии Томаса Манна, выполненной в Университете Гумбольдта в Берлине¹³. Множество посвященных Шмитту публикаций Меринга — диссертация 1989 года, написанная под научным руководством Вильгельма Хенниса, введение к трудам Шмитта 1992 года, комментированное издание «Понятия политического» Шмитта 2003 года, наконец, рецензируемый здесь *opus magnum* Меринга, а также многочисленные работы по современной немецкой политической философии (посвященные Веберу, Хайдеггеру, Манну и Ницше) — делают Меринга одним из наиболее плодотворных толкователей Шмитта¹⁴.

Как же Меринг понимает задачу биографа? В биографии самого влиятельного (после Хайдеггера) ультраправого немецкого мыслителя XX века можно было бы надеяться найти подробное разъяснение принципов биографии как литературной формы. Никакого подхода к рефлексивному описанию собственной работы у Меринга нет. Вместо этого он делает несколько вводных замечаний о предпосылках своей работы: «Задача этой биографии — историзировать жизнь и творчество Шмитта. Автор воздерживается от включения позиции Шмитта в канон классической политической мысли или истории публичного права и от обсуждения его актуальности, к которой зачастую следует относиться с осторожностью»¹⁵. Такое самоограничение — следствие нескольких общих аподиктических утверждений. Прямое влияние Шмитта, заявляет Меринг, сегодня осталось в прошлом — исключение составляют немногочисленные, но важные ученики, сохранившие работы Шмитта для его второго либерального прочтения в ФРГ. Претензии Шмитта на систематичность в мышлении вряд ли можно оправдать, а его политические позиции в настоящее время полностью дискредитированы. Более того, этатизм, национализм и антисемитизм времен Веймарской республики более не существуют. Хотя, по мнению Меринга, мы переживаем сегодня поворот к *Präventionsstaat*¹⁶ и к новой мас-

13. *Idem.* Politisches Denken: Carl Schmitts Denkweg am Leitfaden Hegels, Katolische Grundstellung und Antimarxistische Gegelstrategie. Berlin: Duncker & Humblot, 1989; *Idem.* Das «Problem der Humanität»: Thomas Manns Politische Pjilosophie. Paderborn: Mentis-Verlag, 2003.

14. *Idem.* Carl Schmitt zur Einführung. (4 Aufl.). Hamburg: Junius-Verlag, 2011; Carl Schmitt: Der Begriff des Politischen. Ein Kooperativer Kommentar / Mehring R. (Hg.). Berlin: Akademie Verlag, 2003.

15. *Idem.* Schmitt: Aufstieg und Fall. P. 14.

16. Нем. «превентивное государство». — Прим. пер.

совой политизации права, работы Шмитта следует ограничить контекстом периода между двумя мировыми войнами и катастрофической национальной историей Германии после 1914 года. В противном случае возникает соблазн ложных интерпретаций.

Решительно отбросив самые спорные аспекты нынешнего возрождения идей Шмитта, Меринг предполагает, что Шмитт историзировал свое собственное интеллектуальное творчество, выстраивая его в качестве цепочки ответов на конкретные вызовы и ситуации. Следовательно, его труды вряд ли можно реконструировать в качестве систематического и законченного теоретического построения, благодаря которому его интеллектуальная траектория приобрела бы целостность и единство. Работы Шмитта функционируют скорее как ряд не связанных друг с другом, наспех сработанных и обусловленных изменчивыми обстоятельствами интервенций в преходящие социально-политические конфигурации — очевидно, без общего лейтмотива. Его труды полиморфны, а реконструкция этого полиморфизма еще больше осложняется тем, что Шмитт, стремившийся сохранять контроль над разрастающимся сводом своих сочинений, поливалентность которых ускользает от окончательной оценки, постоянно перефразировал, видоизменял и редактировал свои прежние работы. В трудах Шмитта невозможно выявить систему, его категории нелегко перенести в изменившееся настоящее — вот тезисы, которые составляют основу предпринятой Мерингом попытки изолировать, поместить в карантин исторического Шмитта, отделив его от современного возрождения и актуальности, кто бы за ними ни стоял — почитатели, фальсификаторы или противники.

Исходя из этой посылки, Меринг предлагает читателям квазиавтобиографическое, персонализированное хронологическое повествование, оформленное тем предположением, что интеллектуальное творчество Шмитта служило попыткой рефлексировать ума найти для себя нормативные ориентиры и точку опоры в эти беспокойные времена. Таким образом, Меринг уходит *ad fontes*¹⁷, в архивы, выстраивая биографию на изучении недавно расшифрованных дневников Шмитта веймарского периода и переписки из объемного *Düsseldorfer Nachlass* («Дюссельдорфского наследия»), а также на основе интервью с бывшими учениками, коллегами и друзьями Шмитта. Убедительным свидетельством кропотливой работы Меринга с этими источниками служат 133 страницы примечаний. Список второисточников, состоящий в основном из работ на немецком языке, остается по большей части неиспользованным, тогда как во введении Меринг мимоходом упоминает о том, что опустил некоторые источ-

17. Лат. «к источникам», «к самим книгам». — Прим. пер.

ники по Шмитту времен нацизма и не имел доступа к нерасшифрованным записным книжкам и дневникам, которые Шмитт вел после 1933 года. В конечном счете биография построена как попытка восстановления и реконструкции ключевых событий, поворотных пунктов в жизни и творчестве Шмитта, которые описываются Мерингом в стиле «событийной истории». Причем сделано это в режиме едва ли не поминутной хроники, что должно привести к «большой фактической точности», которую Меринг, видимо, отождествляет с фактами, которые документально зафиксированы самим Шмиттом, причем в их буквальной форме.

Неудивительно, что Меринг с готовностью признает: «Биограф стремится избегать сильных ценностных суждений и оправданий, выносимых задним числом, пытаясь выявить возможности развития событий и случайности в жизни Шмитта, прокручиваемой словно бы с замедленной скоростью»¹⁸. По сути дела, организация и интерпретация жизни и творчества Шмитта выстроены по траектории его карьерного движения, на что как раз и указывает подзаголовок — «Взлет и падение». Падение Шмитта приравнивается не его вступлению в НСДАП 1 мая 1933 года, а явным образом связано с его падением в иерархии нацистских чиновников в конце 1936 года. Для интерпретации биографии Шмитта Меринг не предлагает никакой иной точки зрения, кроме хроники карьерного движения. «В этом изобилии материала читатель порой может не заметить основных тезисов»¹⁹.

Cursus vitae

Чего же ожидать от жизни, описанной Мерингом в работе, опирающейся на историзацию, герменевтический субъективизм, ценностную нейтральность, подробный хронометраж и деактуализацию работ Шмитта? Способны ли такое самоустранение автора и его узко биографический метод позволить читателям заглянуть за пределы частных подробностей внутреннего мира Шмитта? Какова «добавленная стоимость» этого серьезного предприятия? Меринг предлагает читателям общепринятую историю взлета и падения аутсайдера из католических рейнских провинций — академического и политического выскочки, поддавшегося на соблазн власти, изгнанного из общества и ставшего затворником. Эта история разделена на четыре периода: взлет Шмитта в Германии времен кайзера Вильгельма; разрыв с веймарской *Bürgerlichkeit*²⁰; жизнь в лоне нацистского Левиафана; наконец,

18. *Idem.* Schmitt: Aufstieg und Fall. P. 14.

19. *Ibid.*

20. Нем. «буржуазность». — Прим. пер.

постепенное самоустранение после 1945 года. Формальный стилистический принцип биографии заключается в том, что насыщенные, едва ли не стенографические очерки жизненного мира Шмитта (его друзей, коллег и учеников, научной и политической карьеры, интеллектуальных влияний и академических распрей; семейной жизни, в том числе двоеженства; сексуальных и алкогольных эскапад; лекционных туров и отпусков) перемежаются короткими изложениями его трудов, в которые время от времени вставляются портреты противников и наставников Шмитта.

Меринг последовательно связывает главные работы Шмитта с тогдашней политикой. Основные контуры исследовательской программы Шмитта можно найти уже в работах, написанных в последние годы существования Германской империи. Антииндивидуалистическое толкование государства заметно в диссертации «Вина и типы вины», защищенной Шмиттом в Страсбурге в 1910 году: категория вины строится на основе принятых законодательным органом позитивных правовых норм, так что вопросы внеправовой или нравственной вины, с точки зрения юриста, выносятся за скобки как несуществующие. В монографии 1912 года «Право и суждение» отражена склонность Шмитта к децизионизму. В этой книге Шмитт уже выступает против правового позитивизма Ганса Кельзена, поскольку в его определении право (*Recht*) подчинено акту интерпретации, которую выполняют судьи в процессе применения закона (*Gesetz*) к конкретным делам, — здесь уже налицо праксеологический шаг. Разрыв между законом и конкретными делами устраняется благодаря интерпретативному решению, так что закон подчинен суждению. «Ценность государства и значение индивидуума», габилитационная работа Шмитта 1914 года, развивает идею формирования юридического лица государством, которое представлено как субъект, связующий закон и власть. Легитимность государства зиждется на его способности кодифицировать и применять право, выступая в качестве правового государства, то есть вопреки догосударственным и «антропоцентрическим» договорным теориям, а также теориям естественного права именно государство делает индивидуума субъектом права. Ценность государства заключается в его способности создавать порядок. Таким образом, Шмитт рассматривает легитимность как свойство, внутренне присущее государству, его успехам или неудачам в утверждении верховенства закона, а не как демократический или любой иной внеюридический акт легитимации. Успешное правовое государство, по мнению Шмитта, выступает институтом в период защиты и порядка — оно опосредует непосредственность отношений, возникающих между индивидуумом и государством в кризисные периоды. Такой кризис государства был ускорен объяв-

лением войны 1914 году и предотвращен введением военного положения и принятым законом о дополнительных полномочиях, который предоставлял исполнительной власти государства, то есть военному командованию, обширные чрезвычайные полномочия, отменяющие основные конституционные права.

В 1915 году Шмитту поручили разработать правовое обоснование для расширения дополнительных полномочий исполнительной власти в послевоенный период. Такие факторы, как осадное положение, гражданская война и социалистическая революция в Баварии, заставили Шмитта расширить рамки поставленной задачи и написать книгу «Диктатура» (1921). В этой книге представлена история конституционного права и нововременного унитарного государства, рассмотренная в основном в связи с теорией абсолютистского государства, освобожденного от права; здесь же вводится различие между «диктатурой комиссаров», то есть диктатурой делегированной и временной, и «суверенной диктатурой». Благодаря этой книге Шмитт получил место в Мюнхенском университете торговли, а затем и первую полную профессорскую должность в Грейфсвальдском университете в Пруссии (в то время Шмитту было 33 года). Одновременно в работе «Политический романтизм» (1919) Шмитт сводит счеты с политической пассивностью секуляризированного, индивидуалистического, приватизированного социального порядка, исторический носитель которого (европейская буржуазия) не смог выйти за пределы окказионалистской иронии изнеженных эстетов и оказался беззащитным перед призраком социалистической революции и переворотов. Катастрофический конец Германской империи: военное поражение, отречение династии, версальский диктат, потеря Эльзаса-Лотарингии, создание «польского коридора», военная оккупация Рейнской области, репарации, потеря колоний, сокращение армии до минимума, республиканская конституция, виновность в развязывании войны, Баварская Советская республика, государственные перевороты, всеобщая стачка — всё это заставило Шмитта сосредоточиться на вопросах конституционного и международного права в их отношении к суверенитету. К концу существования Германской империи Шмитт нашел тему для своих научных исследований.

О политическом

Все эти исследования впервые были систематизированы в виде особой программы в книге Шмитта 1922 года «Политическая теология», в которой правовое государство и суверенитет переосмыслены с точки зрения исключительного положения. Шмитт писал: «Сувереном является тот, кто принимает решение о чрез-

вычайном положении»²¹. Главное место Шмитт отводит монополии на принятие решений, а не законной монополии на применение насилия, фигурировавшей в классическом веберовском определении суверенитета. В своей попытке защитить и усилить статью 48 Веймарской конституции, предусматривавшей правление на основании чрезвычайных декретов, Шмитт развивает этот главный тезис, выступая против правового позитивизма. Та же тема проходит сквозной нитью через все крупные работы, написанные Шмиттом в период Веймарской республики: «Римский католицизм и политическая форма» (1923), «Кризис парламентской демократии» (1923), «Понятие политического» (1927), «Конституционное право» (1928), «Защитник конституции» (1931) и «Законность и легитимность» (1932). Поскольку правовые нормы могут функционировать только в нормальных условиях, правовой позитивизм страдает слепотой обезличенности, аполитичности и неисторичности. По Шмитту, суверенитет не вверяется государству как безличному и объективному субъекту права, совокупности правил и законов, а кристаллизуется время от времени в условиях политических кризисов и социальных беспорядков («пороговых» ситуаций), которые выходят за рамки конституционных норм. Такие конституционные кризисы требуют внеправовых, предельно политических решений, принимаемых исполнительной властью — единственной способной восстановить порядок на основе права государства на самосохранение. Моменты нерешительности в объективном правовом порядке требуют стремительных и твердых принимаемых исполнительной властью по собственному усмотрению, если не произвольно субъективных решений по существу дела. *Autoritas, non veritas facit legem*²². Подобный децизионизм предполагает ту мысль, что суверенитет в конечном счете принадлежит той власти, которая может объявить чрезвычайное положение и обеспечить его соблюдение, приостанавливая действие конституции в исключительных обстоятельствах. Объявление чрезвычайного положения нельзя вывести из существующих правовых норм и стандартных процедур принятия решений. Суверенное решение — это аутореферентный, ничем не опосредованный акт власти, акт единственный, абсолютный и окончательный. С точки зрения правоведения этот акт возникает *ex nihilo*. Этот элемент «политической прибавочной стоимости», состоящий в произвольном решении, восстанавливал превосходство политики над верховенством закона. Легитимность не исчерпывается законностью.

21. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 15.

22. Лат. «закон создает не истина, а власть». — Прим. пер.

Децизионизм был дополнен шмиттовским понятием политического²³. Формально это понятие определялось через усиление различия между другом и врагом, которое в какой-то неопределенный момент требует политического решения, идентифицирующего внутреннего и внешнего врага, что необходимо для того, чтобы выковать решающую политическую единицу и сохранить экзистенциальную коллективную автономию. Решение проводит различие между «внутренним» и «внешним», а также в лоне внутреннего, какая-то часть которого должна быть выведена во вне и исключена. Эта логика подтолкнула к переосмыслению значения демократии. По словам Шмитта, «демократия, следовательно, требует, во-первых, однородности, а во-вторых (если в том возникает нужда), ликвидации или искоренения разнородности», а не «бесконечных дискуссий» парламентской демократии, основанной на либеральном плюрализме²⁴. Этот тезис обосновывал консолидацию крайне фрагментированного индустриального общества массовой демократии, превращаемого в гомогенное в социальном отношении политическое сообщество (в конечном счете в этнически определенный (*artgerecht*) *демос*) благодаря базовым, связанным друг с другом принципам автономного суверенитета исполнительной власти — внешней войны и внутренних репрессий. Политика исключения превратилась в политику страха, ставшую инструментом социальной интеграции. Апеллируя к первоочередному требованию самосохранения, беспорные угрозы безопасности и независимости снижают значение и накал всех внутренних различий, сглаживают их, порождая необходимое единство и единодушие. По Шмитту, демократия, таким образом, заново определяется в идентитарных терминах как прямое представительство народа (*Volk*) политическим руководством; такая демократия может находить выражения в нерегулярных актах спонтанного одобрения или плебисцитарных мероприятий, время от времени обновляющих узы между вождем и ведомыми, то есть определяется через национальный миф прямой демократии. Шмитт систематически деконструирует буржуазное правовое государство, отдавая предпочтение тотальному государству, дабы разрешить кризис Веймарской республики.

В веймарский период Шмитт продвигался вверх быстрыми карьерными скачками. В 1922 году он перешел из Грейфсвальдского университета в Университет Бонна, порвал с римско-католической церковью и был отлучен от нее за отказ расторгнуть свой первый брак. В 1928 году Шмитт перешел в Берлинский университет торговли. В период своей работы в этом университете

23. Там же.

24. *Idem*. The Crisis of Parliamentary Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. P. 9.

он стал завсегдаем «Тиргартена», который Меринг лаконично упоминает как место эротических эксцессов. Наконец, в 1932 году Шмитт обосновался в Кёльнском университете, на юридическом факультете которого преподавал и Ганс Кельзен. Начало 1930-х годов стало временем все большей политизации неакадемической деятельности Шмитта, выступавшего в роли юридического консультанта, кульминацией которой стало его назначение ведущим юридическим советником защиты на процессе по делу *Preussenschlag* — ликвидации президентом Германии Гинденбургом Пруссии как управляемой Социалистической партией Германии земли в составе федеративной Веймарской республики. Шмитт отстаивал примат национального государства над федеральными землями, входящими в состав этого государства. Хотя Шмитт все больше вращался в национал-консервативных кругах, открыто в поддержку Гитлера он высказался только после принятия закона о дополнительных полномочиях 24 марта 1933 года. 1 мая 1933 года Шмитт вступил в НСДАП и был назначен государственным советником возглавляемого Герингом государственного совета Пруссии и профессором публичного права в престижном Университете Гумбольдта в Берлине. За этим последовал период искреннего увлечения Шмитта национал-социализмом, яростного антисемитизма и выдвинутых задним числом юридических оправданий законов о чрезвычайных полномочиях и уничтожения элиты штурмовиков в 1934 году.

Мышление конкретного порядка

Работы, написанные Шмиттом в 1933–1936 годах (за примечательным исключением книги «Три типа юридической мысли»), — это преимущественно короткие статьи и желчные диатрибы. В научном и нравственном отношении эти работы представляют собой низшую точку в карьере Шмитта. После изгнания из власти (как разъясняет Меринг, не Шмитт разошелся с нацистами в 1936 году, а нацисты сами от него отстранились) Шмитт возобновил свою академическую деятельность и создал три крупных работы — «Порядок больших пространств в международном праве», «Земля и море» и «Номос земли», написанный в 1943–1945 годах, но опубликованный в 1950 году, а также издал в 1940 году том «Позиции и понятия», в котором собраны очерки, направленные против Веймарской республики, Лиги Наций и версальской системы. Основой этого поворота к международному праву и истории международных отношений, на который Меринг не обращает достаточного внимания, стал парадигматический сдвиг: Шмитт перешел от акцентирования важности политических решений, сопровождавшегося критикой юридического нор-

мативизма «сверху», к идеологии «конкретного порядка», которая сопряжена с критикой юридического нормативизма и политических решений «снизу»²⁵. Благодаря такому подходу Шмитт вскрыл еще одну слабость нормативизма, для которого изначальное образование государственности — по сути, само наличие социально-политической нормальности — оказывается проблемой, лежащей за рамками права и юриспруденции. Ни нормативизм, ни децизионизм не давали ответа на вопросы: какой основополагающий первоакт предшествует актам законности и чем образован территориальный порядок? Любой ответ на эти вопросы должен был привести к ревизии конституционного права и созданию социологически и политически расширенного понятия юриспруденции как нового типа юридического мышления, которое Шмитт называл мышлением «конкретного порядка». Здесь появляется понятие «номос», изобретенное в качестве противовеса недифференцированному универсальному космосу и для восполнения недостатков традиционной юриспруденции. Ибо «номос в своем изначальном смысле — это как раз абсолютная непосредственность не опосредованной законами силы права; он есть конституирующее историческое событие, акт легитимации, который только и придает смысл легальности голого закона»²⁶. Эта концепция предшествовавшего праву акта легитимации начала определять разрабатываемую Шмиттом интерпретацию истории международного права со времен Великих географических открытий до эпохи «больших пространств». В интерпретации Шмитта на передний план выдвигается вопрос о происхождении пространственного и юридического порядка.

Что такое мышление конкретного порядка как социологически подкрепленная юриспруденция международного права? Наиболее явно Шмитт демонстрирует свой парадигматический поворот в книге «Номос земли». В основу этого произведения положен один общий тезис, утверждающий, что все правовые порядки — конкретные территориальные порядки, основанные на первоначальном, конституирующем акте овладения землей. Этот акт устанавливает главное и коренное право на землю. Акты присвоения и распределения земли, ее раздела и классификации образуют материальную матрицу, составляющую номос. Термин «номос», противопоставляемый закону как статуту (*Gesetz*), Шмитт выводит из греческого глагола *nemein*, означающего триединый акт присвоения, раздела земли и ее использования для выпаса скота. «Номос — это тот непосредственный образ, который делает пространственно зримым политический и социаль-

25. *Idem*. On the Three Types of Juristic Thought. Westport, CN: Praeger, 2004.

26. Шмитт К. Номос Земли. С. 56.

ный порядок того или иного народа, первое измерение и размежевание пастбища, то есть захват земли и заключенный в нем, вытекающий из него конкретный порядок»²⁷. Номос подразумевает ситуативное единство пространственного порядка (*Ordnung*) и позицию или ориентацию (*Ortung*) любого сообщества, создающего единство пространства и права. Выступая против господствующего деполитизированного правового позитивизма, отрицающего пространство и историю, а потому рассматривающего право как национальное, так и международное в качестве абстрактной паутины норм, связанных друг с другом в безупречной иерархии и выводимых в конечном счете из *Grundnorm* конституции, которой подчинено даже государство, Шмитт открыто делает выбор в пользу этого грубого акта захвата и оккупации. Он доказывает метаюридические истоки любого международного порядка, основания которого обнаруживаются в материально-земной реальности. У правовых понятий — пространственное происхождение. Сила порождает право.

Большие регионы

Шмитт дополнил мышлением конкретного порядка критику версальской системы и доктрины Монро, разбив интеллектуальную площадку для своего геополитического понимания нового большого территориального порядка. Сущность этого понимания заключается в его понятии *Großraum* («большого пространства»), направленного на обоснование сосуществования нескольких панрегионов, один из которых включал бы в себя Центральную и Восточную Европу под имперской властью Германии. Обращение к категории *nomos* имело двойную функцию. Во-первых, она предлагала пересмотр истории международного права и порядка, фокусирующийся на захватах земель и «пространственных революциях», а также служила мобилизации интеллектуальных ресурсов и аргументов для легитимации гитлеровской «пространственной революции» и «политики большого пространства». Во-вторых, эта категория подрывала всякий пиетет перед Лигой Наций, поскольку вписывала экспансию нацистской Германии в логику воспроизводящихся, конституирующих номос первоактов завоевания и присвоения земель. История переписывается в духе (гео) политики Шмитта, причем такой пересмотр истории оправдывает немецкий империализм, то есть аргументация замыкается в виде круга.

Антиуниверсалистская категория «большого пространства» превратилась в опорный принцип теоретической конструк-

27. Там же. С. 51–52.

ции нацистского международного права, разработанного с целью революционизировать международную систему. Шмитт был достаточно проникновенен и верен собственному радикальному пониманию истории для того, чтобы не питать ностальгических надежд на возвращение классической межгосударственной цивилизации в том виде, в каком он ее понимал. Бек (национальных) государств и *Kleinstaaterei* (размножения мелких государств) после Версальского договора завершился, и обратно вернуться нельзя. Будущее, утверждал Шмитт, принадлежит политическим общностям иного типа. Исторический и юридический прецеденты таких общностей создала доктрина Монро. Нормативные аспекты построения многополярного мира панрегионов были изложены Шмиттом в книге «Порядок больших пространств в международном праве», опубликованной незадолго до подписания в августе 1939 года пакта Молотова–Риббентропа²⁸. Шмитт обрушился с уничтожающей критикой на двойные правовые стандарты, используемые США на Версальской конференции. На этой конференции США отстаивали принципы «самоопределения наций» и «невмешательства», ставя их применение в зависимость от принятия демократии и капитализма и одновременно заявляя о том, что Западное полушарие — Южная и Центральная Америка с бассейном Тихого океана — является зоной исключительно американского влияния. Американское полушарие было выведено *hors de la loi*²⁹, то есть за рамки Лиги Наций и сферы вмешательства европейских держав.

В свою очередь, это контролируемое Америкой пространство должно было послужить фоном, который позволил Шмитту разработать идею германского «большого пространства» — самодостаточной и автаркической зоны безопасности Германии, закрытой для всякого вмешательства *raumfremde*, то есть сторонних держав. Доктрина Монро не только запретила вмешательство европейских держав в американские дела, но и сформулировала правовое понятие об ограничении суверенитета других государств Западного полушария и вмешательстве в их дела США. Гитлер с одобрением говорил о «германской доктрине Монро»³⁰.

Роман с Гитлером

Вопреки вынесенному Мерингом в начало своей книги заявлению об отсутствии в работах Шмитта объединяющей, цен-

28. Schmitt C. Volkerrechtliche Großraumordnung // Schmitt C. Staat, Großraum, Nomos, Arbeiten aus den Jahren 1916–1969. Berlin: Gunter Maschke, 1955. P. 269–371.

29. Фр. «за рамки права». — Прим. пер.

30. Ibid. P. 348.

тральной темы, при изучении наследия Шмитта возникает впечатление, что его работы составляют не ряд разрозненных, несовместимых друг с другом тем и утверждений, а совокупность согласованных понятий и позиций, последовательно разработанных задолго до того, как Шмитт принял *Führerstaat*. Это впечатление имеет прямые последствия для ответа на главный вопрос биографии: почему в апреле 1933 года, после принятия законов о чрезвычайных полномочиях, Шмитт стал на сторону Гитлера? Концептуальный провал биографии, написанной как повествование о чисто фактических событиях, наиболее заметен в том, что Меринг не дает ответа на вопрос об этом поворотном моменте в жизни Шмитта. Вместо того чтобы предложить какое-то разумное объяснение принятого Шмиттом решения, Меринг отдает предпочтение исчерпывающему обсуждению возможных доводов и умудряется составить неполный перечень, включающий не менее 43 мотивов (от личной обиды до оппортунистических и эсхатологических мотивов), которые могли сыграть роль, хотя и не обязательно, в обращении Шмитта. В конце концов Меринг приходит к выводу, что защита Шмиттом веймарской *Präsidialsystem*, то есть правления исполнительной власти на основе системы декретов, вплоть до конца 1932 года показывает, что его переход на сторону национал-социализма является очевидным «разрывом» в его политико-теоретическом пути, что, по-видимому, подтверждается шмиттовской концептуализацией захвата власти нацистами как «легальной революции». Меринг отмечает, что в январе 1933 года Шмитт переживал депрессию. «Борьба с Гитлером закончилась поражением»³¹. Это утверждение повторяет официальную версию, выдвигаемую сообществом приверженцев Шмитта³². Но ни нерешительность, проявляемая Мерингом в вопросе о двигавших Шмиттом мотивах, ни его тезис о разрыве не являются вполне убедительными, поскольку особенности личности Шмитта и его политические и интеллектуальные позиции периода до 1933 года, зафиксированные в биографии, дают веские основания рассматривать его поддержку национал-социализма не как разрыв с крайне авторитарными позициями, сформулированными им в период борьбы с Веймарской конституцией, а, скорее, как их логический результат и кульминацию. Постоянно радикализирующееся мировоззрение Шмитта было глубоко укоренено во вполне органичных для него, весьма устойчивых склонностях, как и в его политической программе. Это привело

31. *Mehring R. Schmitt: Aufstieg und Fall*. P. 304.

32. Другая версия этой истории приведена в книгах: *Rüthers B. Carl Schmitt im Dritten Reich: Wissenschaft als Zeitgeist-Verstärkung?* (2 Aufl.). München: C. H. Beck, 1990; *Idem. Entartetes Recht: Rechtslehren und Kronjuristen im Dritten Reich*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988.

к максимальной совместимости идеологии и практики национал-социализма с темпераментом и убеждениями Шмитта.

Согласно Мерингу, Шмитт был не только сверхамбициозным карьеристом, вероломным коллегой и искателем сексуальных приключений, но и неизменным критиком политического либерализма, парламентаризма, конституционного правового позитивизма и многопартийного государства, что было обусловлено его глубоким антропологическим пессимизмом — предрасположенностью, которая нашла выражение в последовательном идеологическом проекте, включавшем в себя децизионизм, примат легитимности над легальностью и тотальное государство, праящее гетерогенным обществом. Кроме того, Шмитт придавал большую ценность национальным мифам как инструментам политической мобилизации масс и социальной интеграции — урок, полученный Шмиттом от Муссолини, которого Шмитт навещал и которым восторгался. Шмитт был одним из главных защитников антифедералистского, унитарного Рейха. Говоря о внешнеполитических воззрениях Шмитта, Меринг повторяет мнение о том, что Шмитт был видным противником Лиги Наций, англо-американского международного права и поворота к концепции дискриминирующей войны. Такая позиция сделала Шмитта одним из ведущих немецких критиков международного порядка, существовавшего в период между двумя мировыми войнами. Шмиттовское понятие политического, основанное на политическом экзистенциализме, служило концептуализации различия друга и врага, декларируемого для достижения национального единства, а его антисемитизм и требование расовой однородности гармонировали с идеей идентитарной демократии. Слава Шмитта как противника анархии, марксизма и большевизма не нуждается в комментариях. Известно антибуржуазное возмущение Шмитта аполитичной безопасностью той формы жизни, что обеспечивается успокоительным сочетанием частной собственности и правовых гарантий. Эта критика была проникнута метафизическим разочарованием, оборотной стороной которого стали негативная эсхатология и теологическая философия истории, которая стремилась упрочить абсолютную концепцию государства как преграды, защищающей от полностью секуляризованного поля социальных сил, прежде всего социализма, — Антихриста.

Даже если эти компоненты не складываются в «систему» и *eo ipso* не делают переход к *Führerstaat*³³ автоматическим, они предоставляют богатый набор «позиций и понятий» — теоретическое здание, чье структурное родство с идеологией и практикой национал-социализма предельно ясно демонстрирует и сам

33. *Нем. «диктаторское, вождистское государство».* — *Прим. пер.*

Меринг. Фактически благодаря этим позициям выбор Шмитта в пользу Гитлера был predetermined как мало у кого в среде крайне правой немецкой интеллигенции. И если эта идеологическая совместимость подтверждает тезис о преемственности, тезис о разрыве предстает как доказательство простого политического оппортунизма, заставившего сменить лошадей на политической переправе, из-за чего среди старых членов партии, составлявших верхушку НСДАП, за Шмиттом закрепилось саркастическое прозвище *Marzgefallener* («человек, влюбившийся в Гитлера в марте»). Для них Шмитт был ненадежным перебежчиком, слишком поздно запрыгнувшим на уходящий поезд.

В начале своей книги Меринг замечает, что сложную личность Шмитта едва ли можно открыть универсальной отмычкой. И все же написанная Мерингом биография претендует на то, чтобы быть чем-то большим психогаммы личности талантливого, но несчастного мыслителя, жившего в век крайностей. Она стремится быть интеллектуальной биографией современного классика политической мысли. Но пусть так — Меринг все равно в изобилии представляет свидетельства того, что долгая жизнь Шмитта вращалась вокруг одного узнаваемого интеллектуального центра притяжения. Вопрос был в том, как переосмыслить отношения между конституционным и международным правом, государством и порядком в секуляризованный век массовой демократии и массовых войн через фундирование легитимной власти в политической теологии децизионизма, для того чтобы разработать научно-политическую программу контрреволюционного исполнительного ультраавторитаризма, который упрочит чисто политическую суверенность вне сферы правового государства, в то же время найдя опору в выделении врага, служащем экзистенциальному и коллективному политическому единству. Эта глубинная и важная проблематика образует *basso continuo*³⁴ всего творчества Шмитта — с ранних работ, написанных в конце существования Германской империи, до «Политической теологии II», написанной уже в ФРГ³⁵.

3. СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ?

Но можем ли мы освободить — сторонясь как демонизации, так и апологии — шмиттовские прозрения от их позорной связи с нацизмом? Возможно ли спасти теоретические послышки Шмитта

34. *Ит.* «постоянный аккомпанемент». — *Прим. пер.*

35. *Schmitt C.* Politische Theologie II: Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie. Berlin: Duncker & Humblot, 1970.

(децизионизм, понятие политического, конкретное мышление о порядке), а также его ключевые понятия (суверенитет-как-исключение, различие друга и врага, номос и панрегион) в качестве универсальных аналитических инструментов, которые способны переписать историю международного права, позволив нам понять составляющие актуальной геополитической трансформации? Ясно, что ось интеллектуального проекта Шмитта задана недостатками легального позитивизма, не способного ответить на вопрос о государстве в исторической перспективе. До 1934 года Шмитт выстраивал свою критику исходя из позиции политического децизионизма, а после — ориентируясь на «конкретное мышление о порядке» как новый тип правового мышления, и оба этих метода обрамляют вышеуказанные категории.

В аналитическом отношении шмиттовское понятие внеправового решения, которое реализует политику исключения (пусть даже в области юриспруденции оно и является важной поправкой к деполитизированному миру легального позитивизма), в действительности едва ли оказывается чем-то большим удобной отмычки, которая может «применяться» к сколь угодно большому числу политических образований, обращающихся в тяжелые времена к чрезвычайным полномочиям. Приложение шмиттовских понятий к исключению может лишь дескриптивно и апостериорно закрепить уже установленное положение дел в качестве *fait accompli*³⁶. Объяснение чрезвычайного положения не входит в их задачи; а его критика не может быть выписана изнутри шмиттовского словаря. Почему это так? Дело в том, что метод Шмитта (независимо от того, на что именно он опирается — на децизионизм, различие друга и врага или конкретное мышление о порядке) лишен всякой социологии власти. Децизионизм не предполагает аналитических средств, способных определить, какие связи или балансы социально-политических сил могут активировать — и в каких именно ситуациях — политику исключения и страха. Ведь исключительное положение никогда не является безотносительным творением *ex nihilo*, то есть уникальным аутореферентным событием, эквивалентным чуду в теологии. Оно остается привязанным к социальному благодаря неизбежному акту калькуляции, предшествующему его объявлению, а также к собственным шансам на реализацию, повседневному публичному согласию с ним или сопротивлению со стороны тех, на кого оно распространяется, то есть к общественным отношениям суверенности. Исключительное положение, как ни одно другое, вписано во властные отношения, отсылающие к социальному. Само по себе решение ничего не решает. Из двух сторон исключения — власти, которая

36. *Фр.* «свершившийся факт». — *Прим. пер.*

вводит его, и власти, которая исключается из нормального правового правления, — Шмитт теоретизирует только первую.

Десоциализированная шмиттовская концепция суверенитета любопытным образом оказывается еще и деполитизированной: он пытается найти архимедову точку опоры не только вне общества, но и вне политики — точку, которая была бы предельно защищена от любой социально-политической атаки, что позволяет нейтрализовать внутреннюю политику как таковую и прийти к ультрасуверенитету. Эта внешнеполитическая точка выбирается весьма осмотрительно. В ней соединяются политическая теология и гиперавторитаризм, ведь она нужна, чтобы выделить ту химерическую позицию, которая рестабилитирует социальные процессы извне, *ex nihilo*, обладая при этом превосходящей силой — это и есть апофеоз государства. Однако это «место вовне» в действительности относится к сфере теологии как таковой. Здесь же политическая теология, то есть концепция суверенитета, выстроенная по модели абсолютизма и папской *plenitudo potestatis*³⁷, проваливается в конце концов в произвольный государственный террор. Шмиттовский катехон, концептуализированный в качестве силы, которая «сдерживает», превращается в самого Антихриста. Его концепция суверенитета задает нормативное предписание, пригодное, в частности, для гиперавторитарного разрешения сложнейшего кризиса веймарского государства, но она не может работать в качестве общего аналитического инструмента для множества иных случаев получения чрезвычайных полномочий. Так, она не дает возможности оценить и взвесить различные конstellации и преобразования политической власти и социальных отношений, геополитики и международного права, в конце концов — пространственного упорядочивания мира.

Захват земли

Но такая задача как раз и была поставлена «Номосом земли», а также поворотом к конкретному мышлению о порядке, произошедшему в середине 1930-х и породившему реинтерпретацию истории в качестве следовавших друг за другом пространственно-правовых номосов, которая связала шмиттовские времена с далеким и малопонятным прошлым. Прославление Шмиттом классической эпохи европейской межгосударственной цивилизованности — *ius publicum europaeum* — служило цели представления англо-американской концепции международного права в качестве чего-то вырожденного и одновременно тотального, чьим непримиримым историческим врагом оказываются на-

37. Лат. «полнота власти». — Прим. пер.

цистская Германия и *Großraumpolitik* (политика больших пространств) как светочи геополитического плюрализма. Но в промежутке меж двух центральных осей, к которым прикреплены шмиттовские идеи суверенитета, то есть между грубым актом присвоения земли и внешнеполитическим исключительным положением, обсуждаемое им *ius publicum* не находит никакой систематической опоры; его подход к конституционному и международному праву свою силу черпает из двух этих позиций, расположенных снизу и сверху, но не из самого позитивистского права. Вся интерпретация Шмитта, начиная с обсуждения открытий Нового Света и заканчивая региональными блоками *Großraum*'а, всегда колеблется меж двух мегаабстракций — буквально понятого и принятого *ius publicum*, то есть всецело разделяемого им легального позитивизма и формализма, яростно оспариваемого им в других случаях, и абстракции пространственной конкретности, которая по исходному замыслу должна была выступать в качестве противоядия от первой абстракции. В зазоре между двумя этими реификациями из поля зрения исчезают всякое социальное содержание и любые социальные процессы.

Дело в том, что «конкретное мышление о порядке» не может указать на процессы, которые действительно движут политикой присвоения земли и упорядочиванием мира. В результате мы получаем асоциологическую и, как ни странно, агеополитическую позицию — если понимать геополитику как разновидность интерсубъективного конфликта. Природа испанского абсолютизма XVI века, отношения между конкистадорами и испанской короной, межимперские отношения в среде прирастающих своими заморскими владениями европейских империй — все это остается неизученным. Конкретные процессы присвоения земель, их распределения и отношения собственности в обеих Америках, включая геополитическое столкновение с туземцами как историческими субъектами, не только остаются за пределами рассмотрения, но и по определению не входят в объем любого чисто политического или геополитического понятия завоевания-как-конкретизации. В этом смысле конкретное мышление о порядке остается излишне прямолинейным, поскольку нигде у Шмитта не вводятся и не развиваются понятия, которые позволили бы определить динамику общественной собственности и властных отношений, склоняющих к заморской территориальной экспансии. Асоциологическое описание Шмиттом открытий Нового Света осложняется отсутствием исследования внутривнутриполитической природы этой встречи. Коренные американцы вообще отсутствуют в его описании решений конфликтов по поводу земли и собственности, весьма разнящихся от региона к региону. Они не признаются даже в качестве пассивного субстрата или жертв вторгнущих-

ся испанцев или португальцев, они просто обнулены и вычеркнуты из истории. Шмитт представляет обе Америки в качестве десубъективированного вакуума; тут, конечно, не может не возникнуть аналогии между атлантической «пространственной революцией» или геноцидом коренных американцев и гитлеровской «пространственной революцией» и уничтожением евреев³⁸.

Интерпретация Шмиттом классического периода европейской межгосударственной цивилизации, абстрагированная от сталкивающихся ценностных притязаний и конкурирующих интересов «гражданского общества», является исторической фикцией. Абсолютистские государства, послужившие Шмитту образцом для определения суверенитета, не были институтом секуляризированного понятия деперсонализованного суверенитета, который мог бы нейтрализовать внутреннюю политику и рационализировать межгосударственные отношения, а оставались персонализированными, в высшей степени конфликтными в социально-политическом отношении, легитимированными божественным авторитетом структурами, воплощавшимися в личностях соответствующих монархов. Их междинастийными отношениями структурировались интенсивные геополитические конфликты по поводу «земли и людей», продолжавшиеся в течение всего периода *ius publicum*, определяя геополитическое накопление как таковое.

Модусы войны

Соответственно, и практика военного дела в период Старого порядка весьма контрастирует с шмиттовским недискриминационным понятием войны как войны взятой в скобки, то есть цивилизованной, рационализированной, ограниченной и гуманизированной. Войны между европейскими государствами в период раннего Нового времени были не случавшимися время от времени спорами, подчинявшимся определенным правилам, то есть не спорами, которые Шмитт приукрашивает, называя их «дуэлью», и которые якобы жестко ограничивали внешние отношения государств рамками стабильного, по существу межгосударственного порядка, а постоянным структурным явлением, которое затрагивало и трансформировало само социологическое ядро этих обществ, ставших военными государствами, находящими-

38. Меринг отмечает, что «Шмитт считал геноцид и холокост, бесспорно, преступлениями», но ничем не подтверждает это замечание. «Что он знал [о холокосте] и что подозревал? <...> Пока нет расшифровки его военных дневников, об этом можно только гадать» (*Mehring R. Schmitt: Aufstieg und Fall. P. 428–429*). За всю свою жизнь Шмитт ни разу об этом не обмолвился.

ся в состоянии перманентной войны. Политические образования Старого порядка не только видоизменялись под давлением военной конкуренции, но и зачастую изнемогали и разрушались из-за растущих военных расходов, головокружительных государственных долгов, репрессивных ставок налогообложения и общественного недовольства. Войны время от времени пожирали своих собственных хозяев, то есть династийные дома.

Хотя можно найти подтверждения той гипотезы, что понятие *Kabinettskriege*³⁹ было нацелено на рационализацию ведения битв, противопоставление «ограниченной» и «тотальной» войны, которое Шмитт позаимствовал у Клаузевица, оказывается слишком грубым инструментом, чтобы с его помощью можно было разъяснить природу ранненовременных войн. Конечно, наполеоновские и постнаполеоновские войны отмечают качественный сдвиг в истории военного дела, хотя это и не значит, что до-революционные войны можно в целом считать «заключенными в скобки» или ограниченными в смысле Шмитта. Его идеализация войн Старого порядка подрывается частотой, размахом, длительностью и интенсивностью, а также издержками и жертвами конфликтов эпохи раннего Нового времени. Например, к концу Семилетней войны прусская армия потеряла убитыми и ранеными 180 тысяч солдат, что равнялось двум третям ее общего состава и одной девятой всего прусского населения. Отчасти это было связано с инновациями в военной технологии, к которым относится развитие огнестрельного оружия, артиллерии и появление новых техник, например залпового огня пехоты, а отчасти — с постоянной угрозой территориального расчленения и перераспределения, следовавшими за поражением династийных домов. Точно так же и само ведение войны не было гуманизировано в плане четкого различия военных (комбатантов) и некомбатантов (*ius in bello*). Влияние войн на гражданское население оставалось крайне пагубным. Поскольку военная логистика еще не была развита в достаточной мере и солдаты не обеспечивались провизией на постоянной основе, армии раннего Нового времени жили «с земли», то есть за счет грабежа и мародерства на чужой территории или же за счет конфискации и выкупов. Армии обычно рыскали по гражданским зонам, пытаясь найти запасы пищи, занимаясь грабежом и изнасилованиями, сея голод и распугивая жителей. Это положение дел зафиксировано пословицей *Bellum se ipse alet* — «Война кормит сама себя».

Хотя большинство этих «войн за престолонаследие» и «торговых войн» носили по большому счету распределительный характер, фокусируясь на землях и контроле над торговыми пу-

39. Нем. «малые войны», буквально «кабинетные войны». — Прим. пер.

тиями, то есть по своим военным целям были ограниченными, в то же время они были «тотальными», поскольку целые регионы или королевства могли попросту исчезнуть (раздел Польши); они характеризовались имперским, если не тотализующим стремлением к бесконечному накоплению земли и трофеев, что доказывалось агрессивной ориентацией вовне, то есть колониализмом. Большинство этих войн за престолонаследие, начиная с войн за испанский и австрийский престолы и заканчивая Семилетней войной, были многосторонними, если не «мировыми» войнами. Это позволяет оценить тезис Шмитта, увязывающий распределение земель и морей «за линией» (*beyond the line*), то есть вынесение естественного состояния международных отношений за пределы Европы, с цивилизованностью внутренних европейских войн, кодифицированных в *droit public de l'Europe*⁴⁰. Но как же шмиттовская привязанность к абсолютизму как историческому образцу децизионистской политической организации, которая предоставляет правителям все возможности по установлению внутреннего закона и порядка, может быть согласована с их предположительной законопослушностью в сфере внешних отношений и с рационализацией военного дела, формализованного в *ius publicum*? Показная легальность в действиях великих держав является характерно нешмиттианской. Говоря логически, правовая необоснованность субъективного решения должна была проявляться во внешних отношениях, как и во внутренних делах. Но этот вывод Шмитт не может сделать, хотя он и намного ближе к исторической истине.

Исключение социального

Кроме того, проводимое Британией после 1713 года уравнивание континентальной межгосударственной системы — отмечаемое Шмиттом как эмпирический факт, но в плане теории сводимое им к экстрасоциологической категории «морского существования» — затемняет социальное объяснение перехода Британии от феодализма к капитализму и того осуществившегося после 1688 года превращения династийного суверенитета в конституционно-парламентарный, что задает основу для понимания социально-политических источников деятельности Британии по уравниванию международных сил в XVIII веке. В ключевых моментах этой широкомасштабной реинтерпретации — в 1492 году, абсолютистском суверенитете, ранненовременных войнах, британском суверенитете XVII века, причинах Первой мировой войны, гитлеровской пространственной революции —

40. Фр. «публичное право Европы». — Прим. пер.

метод конкретного мышления порядка проваливается. Ему просто не удастся вскрыть социальные источники присвоения земель и пространственных реконфигураций, преобразований природы власти и суверенных отношений, этапов исторической генеалогии войны и мира. Более того, всемирно-исторические события, мешающие пространственно-этактистской перспективе Шмитта, — например, капитализм и промышленная революция, французская революция и Наполеон, новый империализм конца XIX века и межимперская конкуренция, наконец, большевистская революция — все это либо попросту исключается из его объяснений, либо удостоивается комментария мелким шрифтом.

Везде, где Шмитт пытается проникнуть в социальное, он либо использует геомифологическую тональность — «морское существование» Британии, «земля против моря», — либо предает свой собственный метод. Примером может послужить его обращение к международной политической экономии в случае доктрины Монро и американского империализма, когда требуется концептуализировать нивелирующие само пространство тенденции международного, но при этом транснационального капитализма⁴¹. Преимущественно нетерриториальная природа выполненного США переоформления межвоенного европейского порядка была прямым опровержением аксиоматического тезиса Шмитта о международных порядках, основанных на захвате земель: Германия, хотя и была урезана в территории и сменила, подобно Австро-Венгрии и Оттоманской империи, режим правления, не была оккупирована или аннексирована. Шмиттовское объяснение разложения *ius publicum*, предполагавшее конститутивную связь между нивелирующими пространство тенденциями транснационального капитала и переходом от *ius publicum* к эпохе международного права, прямо подрывает посылку его конкретного мышления порядка.

Этот внезапный поворот к международной политэкономии представляет собой теоретически не обоснованную *volte face*⁴², не оправдываемую его собственным методом. В результате он вынужден разыграть гегельянско-марксистскую фигуру мысли, а именно использовать разделение между политическим и экономическим в его международном отображении — в форме разделения между территориализированной межгосударственной системой и частным, транснациональным мировым рынком⁴³.

41. Schmitt C. Land and Sea. Washington, DC: The Plutarch Press, 1997, см. также: Шмитт К. Номос Земли. С. 320–324.

42. Лат. «внезапная смена позиции». — Прим. пер.

43. «Из этого диагноза Гегеля исходит и его развивает в одном важном, датированном 1842/1843 годом критическом высказывании молодой Карл Маркс, в котором Соединенные Штаты Америки также удостоиваются особого упоминания. Карл Маркс отмечает, что как в республиках, так и в монархиях

Одновременно этот поворот к «аргументу о разделении» отменяет его центральный тезис, гласивший, что *ius publicum* уже покоился на дифференциации публичной государственности (предполагавшей институционализацию ранненовременной межгосударственной системы) и частного «гражданского общества». Шмитт перетолковывает нивелирующее пространство и геополитику воздействия англо-американского капитализма в период после Версаля, принимая позиции такого транснационального экономизма, который способен пережегчить Маркса в его марксизме. Соединение системы Лиги Наций и большой американской стратегии не привело к аполитичному «беспространственному универсализму» межвоенного периода⁴⁴. Скорее оно позволило перестроить и выровнять европейскую политическую географию в соответствии с американскими экономическими и военными интересами, не устраняя при этом межгосударственность континентальной Европы, что и продемонстрировала германская *Großraumpolitik*.

Ущербный конструкт

Конкретное мышление порядка абсолютно неспособно предложить понятия или историческую фактуру для международной исторической социологии любого порядка, созданного человеком. Из этого следует, что, раз международная политическая мысль Шмитта и его исторический нарратив эмпирически несостоятельны и теоретически ущербны, поскольку переполнены перформативными противоречиями, случаями неявного переименования теоретических позиций, пропусками и исключениями, мифологизациями и уловками в стиле *épreuves étymologiques*⁴⁵, значит, нешмиттианское возрождение повисает в воздухе. Конкретное мышление порядка у Шмитта представляет собой рудиментарную, провалившуюся попытку развить социологию международного права и геополитики, которая в конечном счете регрессирует к евроцентричной историко-правовой теории геополитической оккупации как таковой.

XIX столетия собственность граждан определяет реальный общественный и государственный строй. Вследствие разделения государства и общества, политики и экономики материальный субстрат государства находится вне политики и государственного строя» (Там же. С. 423–424). Шмитт ссылается на работу К. Маркса «К критике гегелевской философии права» (MECW. Vol. 3. P. 31).

44. Smith N. American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization. Berkeley: University of California Press, 2004.

45. Фр. «этимологические доказательства», доказательства через этимологию. — Прим. пер.

В конце концов, Шмитт не дает ответа на свой собственный вопрос: какие процессы привели к установлению порядка *ius publicum*? «Конкретное» в значительной степени остается фактуальным. Но нигде не предпринимается нисходящее путешествие — от конкретного к его многообразным внутренним определениям, как и возвратное восходящее движение — к конкретному как «конкретному в мысли», схватываемому в своих богатых внутренних определениях⁴⁶. Конкретное как фактичность у Шмитта превращается в абстракцию. Но это вряд ли может удивить: во всех работах Шмитта конкретное мышление порядка остается строго внесоциологическим, поскольку латеральная динамика геополитики и «присвоения земель» остается абстрагированной, никак не соотносясь с вертикальной динамикой социальных отношений и присвоения прибавочного продукта. В действительности этот подход является намеренно антисоциологическим, поскольку он согласуется с общим *Weltanschauung* Шмитта как контрреволюционного эстетистско-мыслителя. Такое занижение и устранение социальных отношений, естественно, определялось уже его понятием политического, которое затем оформило его понятие геополитического. Оба отделяют политическое и геополитическое от социального, то есть в действительности превозносят политическое и геополитическое в ущерб социальному. В результате и жаргон исключения (как переформулированной сущности суверенитета), и жаргон конкретного (как переформулированной сущности территориальных порядков) становятся абстрактными и формалистичными, лишаясь объяснительной силы.

Шмиттовская реконструкция международного права и порядка с Христофора Колумба до пространственной революции Гитлера совершенно точно проясняется его собственной конкретной политико-экзистенциальной ситуацией начала 1940-х годов. Эту реконструкцию, которая представляет собой нечто меньшее пропаганды или подтасовки, но большее простой тенденциозности, можно оценить в качестве идеологического продукта,

46. Понятие «конкретного» — вместе с «органическим», «почвенным» и «хтоническим» — быстро сделало карьеру в нацистской идеологии, встроившись в более масштабное продвижение идиоматики «идей 1914-го» против «идей 1789-го». То есть это было не неогегельянское *Wunderwaffe*, а часть фашистского жаргона, явной целью которого было противостояние «абстрактной», «рационализированной» и «лишенной корней» природе тех социальных отношений, что присущи «еврейскому» капитализму, разлагающему любые сообщества. Конкретное упорядоченное *Raum*, имеющее немецкие корни, следовало защищать и охранять от геометрического понятия территории как пустого абстрактного расширения, определенного детерминирующей тенденцией капитализма.

то есть строго заданной реинтерпретации истории международного права и порядка. Это согласуется с шмиттовской концепцией интеллектуального труда как непрестанной битвы, в которой оттачиваются и переделываются понятия, в данном случае пришедшие на особенно интенсивный, неустойчивый период, требовавший экзистенциального решения по поводу разделения друга и врага в борьбе Германии за политическое выживание. Этот момент наивысшей политической интенсивности наложил отпечаток на понимание Шмиттом поля истории. Любая сегодняшняя мобилизация шмиттовских категорий геополитики должна быть взвешенной, то есть должна учитывать тот факт, что основные методы Шмитта — децизионизм, понятие политического, конкретное мышление порядка — не способны социологически подкрепить абстрактный политико-правовой регистр, в котором он формулировал свою ультрареалистскую критику смены порядка в период между двух мировых войн, а также выписывал более обширную историю международного права и порядка; его политическая теория отягощена массивным политическим грузом авторитаризма, который необходимо иметь в виду.

4. МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК?

Какой рецепт противодействия американскому либеральному империализму предлагал Шмитт? Есть ли в идее «большого пространства» какая-то сила, выступающая противоядием от нивелирующего пространство капиталистического универсализма? В конце «Номоса земли» Шмитт предлагает три умоглядных сценария будущего международного порядка, который возникнет после Второй мировой войны. Согласно первому сценарию, актуальная противоположность суши и моря будет преодолена, от чего выиграет одна держава-победительница, которая в конце концов установит «единство мира», что, с точки зрения Шмитта, будет трагедией. Вторым сценарий предусматривает передачу Великобританией миссии «заморского стабилизатора» США в условиях холодной войны — это плохой вариант, но не самый худший. Третий сценарий предусматривает создание нового равновесия между множеством новых больших пространств, *Großräume*. Если «большие пространства» будут осмысленно различены и при этом внутренне однородны, такой сценарий «рационален»⁴⁷. Помимо этого Шмитт не говорит ничего определенного относительно внутреннего устрой-

47. Schmitt C. The Nomos of the Earth in the Ius Publicum Europaeum / G. L. Ulmen (Trans.). N.Y.: Telos Press, 2003. S. 355.

ства каждого панрегиона и о природе отношений между «большими пространствами»⁴⁸.

Все три концепции вызывают разные комплексы вопросов, ни один из которых не разработан сколько-нибудь подробным образом. Тем не менее нормативная неошмиттианская аргументация явно отдает предпочтение последнему сценарию. Но даже если разделять позиции шмиттианства, реконструкция его концепции большого пространства как составной части более широкой теории требует различения внутренней природы каждого *Großraum*, то есть его строения, и внешних отношений этого большого пространства, то есть структуры отношений между большими пространствами. Повторю: критика Шмиттом парламентской демократии и правового позитивизма, сложившаяся на фоне опыта Веймарской республики, привела Шмитта сначала к утверждению децизионизма и к акцентированию чрезвычайного положения. Государство Шмитта не могло опосредовать и улаживать конфликты, возникавшие в гражданском обществе; необходимо было изолировать это государство от гражданского общества: чтобы обеспечить порядок, оно должно править вопреки гражданскому обществу. Такая позиция основана на убеждении в том, что индустриальное общество, классовые конфликты и призрак социалистической революции требуют новой теории государства и в конечном счете диктатуры. Другими словами, Германия нуждалась в «сдерживающем» государстве, достаточно сильном для того, чтобы своим решением деполитизировать и нейтрализовать социальный конфликт. Но так как любой обширный панрегион должен состоять из нескольких этнически гетерогенных групп, так что сила власти падает при движении от центра Рейха к его сателлитам, эту власть следовало укрепить. Она же должна была решить вопрос о том, кто является «внутренним» и внешним врагом государства, задав необходимый антагонизм конституирующего государство различия друга и врага как крайнее проявление суверенитета. Учитывая эти предписания Шмитта, новую мобилизацию идеи «большого пространства» нельзя отделить от выдвинутой Шмиттом теории государства и расистско-идентитарной демократии. Эти идеи следует либо принять, либо, отбросив этот шмиттовский багаж, решительно вывести идею *Großraum* за пределы шмиттовской теории государства и демократии.

48. Эта неопределенность раскрывает тактические предосторожности, которые должен был соблюдать Шмитт, находившийся под пристальным вниманием СС, когда его книга *Volkerrechtliche Großraumordnung* переиздавалась четыре раза с весны 1939 по июль 1941 года. Это вынудило Шмитта приспособить концепцию «большого пространства» к внешнеполитическим успехам Германии, которые становились все более впечатляющими.

В территориальном отношении, в соответствии с концепцией Западного полушария, сформулированной в доктрине Монро, любой панрегион должен включать имперский центр и ряд более мелких, подчиненных этому центру государств, суверенитет которых зависит от их согласования с имперской конституцией, — в противном случае последует «вмешательство». Однако Шмитт никогда не мог точно разъяснить способ интеграции мелких государств в новый «большой имперский порядок». Будет ли такой порядок федерацией или отношения между главной державой и ее сателлитами будут носить имперский либо вассальный характер? Равным образом Шмитт не сформулировал критерии, определяющие территориальные размеры каждого «большого пространства». Являются ли эти критерии *völkisch* («народными»), военными, конституционными, цивилизационными, идеологическими, религиозными? Впрочем, «гомогенность», на которой настаивал Шмитт, необходимым образом предполагала осуществляемую государством ассимиляцию и гомогенизацию.

Сходным образом Шмитт не уточнил структуру отношений между «большими пространствами». Должно ли возникнуть новое право, регулирующее отношения между «большими пространствами», подобное *ius publicum europaeum*? Учитывая гетерогенную природу будущих панрегионов, это маловероятно. Или же отношения между региональными блоками должны подчиняться аксиоматическому для Шмитта разделению на друзей и врагов, создающему сферу отчаянной борьбы «за линию», которая совершенно необходима для поддержания внутренней сплоченности, идентичности и дисциплины во всех «больших пространствах? Такое соображение, по-видимому, больше соответствует категориям Шмитта, поскольку единый, охватывающий все панрегионы номос представляется, с его точки зрения, логическим противоречием и вызывает необходимость во множестве *nomoi*, цивилизационно разнородных и, в принципе, находящихся в состоянии войны друг с другом. Децизионистский авторитаризм, внутриимперская иерархия и анархия в отношениях между «большими пространствами», модифицируемые уравниванием, — вот наиболее вероятные элементы построенного по рецептам Шмитта будущего номоса земли. При любом обращении к шмиттовскому будущему порядку панрегионов как модели плюралистического планетарного регионализма нам придется решать, как уклониться от этих предписаний.

Отказ Шмитта обсуждать задним числом связь своих теорий *Großraum* с внешней политикой национал-социализма ведет к последнему вопросу о теоретической совместимости тео-

ретических построений Шмитта с «пространственной революцией» Гитлера и его причастности к ней⁴⁹. В своем ответе Роберту Кемпнеру, заместителю главного прокурора Нюрнбергского трибунала, записанном во время его послевоенного заключения, Шмитт упорно отказывался каяться и яростно отрицал какое-либо интеллектуальное родство своей концепции «большого пространства» и внешней политики национал-социализма. Столь же упорно Шмитт отрицал и всякие личные контакты с элитой национал-социалистской партии после 1936 года, неоднократно подчеркивая строго юридический и научный характер своей деятельности. В сущности, Шмитт пытался вывернуть аргумент наизнанку и переложить вину на обвинителей. Понятие политической справедливости, которое Шмитт некогда обличал в связи с версальским диктатом, но интенсивно использовал для оправдания тотального *Führerstaat* — отсюда тезис «фюрер защищает право», теперь ловко использовалось им для опровержения позиции союзников на Нюрнбергском трибунале. *Nullum crimen, nulla poena sine lege*. Задним числом Шмитт изменил определение *Großraum*, сделав из него категорию с чисто юридическим содержанием, что позволило избежать прямого отождествления «большого пространства» с органически-биологическими идеями расширения *Lebensraum*⁵⁰ Германии, выдвинутыми Хаусхофером или Гитлером. Но эта неискренняя тактическая уловка, с помощью которой Шмитт пытался доказать, что его научные труды имеют объективный, непартийный и научный характер, а потому далеки от псевдонаучной защиты национал-социализма его прежними соперниками по партии Рейнхардом Хёном и Вернером Бестом, резко контрастирует с прежними самоуверенными заявлениями о природе гуманитарных знаний. «Все политические понятия, образы и термины имеют полемический смысл. Они сосредоточены на конкретном конфликте и связаны с конкретной ситуацией»⁵¹. Политическая наука и юриспруденция сами подчинены и служат высшей, наиболее интенсивной дифференциации, то есть различению друга и врага, каковое требует экзистенциального решения. И Шмитт принял это решение политически, а не юридически. Но в конце концов он понял, что вынужден заново определить свой интеллектуальный праксис и пересогласовать его с теми принципами, которые всю жизнь были ему противны, — с нейтрализацией и деполитизацией.

49. Schmitt C. Response to the Question: «To what extent did you provide the theoretical foundation for Hitler's *Großraum* policy?» [1947] // *Telos*. 1987. № 72. P. 107–116.

50. Нем. «жизненное пространство». — *Прим. пер.*

51. Schmitt C. *Concept of the Political*. P. 30.

5. НАСЛЕДИЕ

В последнем разделе биографии Меринг рассказывает о том, как Шмитт, выпущенный на свободу после недолгого заключения (Трибунал по военным преступлениям не предъявил ему обвинения), быстро вернулся в интеллектуальную жизнь в роли авторитета различных дисциплин — истории, права, философии, политической теории. Впрочем, утрата *venia legendi*⁵² помешала Шмитту снова получить должность университетского профессора. Шмитт был вынужден вести частные семинары в своем старом доме в Плеттенберге. В 1950-х и 1960-х годах Шмитт также участвовал в частных семинарах в Эрбахе, которые один из организаторов, Эрнст Форстхоф, бывший член национал-социалистической партии, называл контруниверситетами. Шмитт возобновил контакты с бывшими коллегами и товарищами, обрел известность и вторую интеллектуальную родину во франкистской Испании, высмеивал тиранию либерально-конституционных ценностей в новой федеративной республике и заявления бывших коллег-нацистов, решившихся публично порвать со своим прошлым. Вскоре с помощью второго и третьего поколений учеников, доверенных лиц и собеседников он вновь приобрел интеллектуальное влияние в Западной Германии. Среди этих людей были Форстхоф, председатель Верховного конституционного суда Кипра с 1960 по 1963 год, Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде, впоследствии ставший судьей Конституционного суда ФРГ, Иоханнес Винкельман, редактор книги М. Вебера «Хозяйство и общество», Рейнхарт Козеллек, Роман Шнур, Георге Шваб, представивший работы Шмитта англоязычному миру, и Одо Марквардт, связанный со школой Риттера в Мюнстере.

Во многих отношениях это были совершенно разные люди, и Меринг разъясняет интеллектуальную и политическую дистанцию, которую отделяла их от Шмитта и шмиттовских взглядов, поддерживаемых и развиваемых основными членами группы. У некоторых членов этого внутреннего кружка было достаточно общего, чтобы в 1961 году начать издавать политический журнал *Der Staat*, который и поныне остается одним из наиболее влиятельных консервативных журналов, посвященных проблемам государства и конституционной теории. Кроме того, они организовали серию *Festschriften*⁵³, в которой публиковали свои статьи, — она издавалась до 1985 года, когда Шмитт умер в возрасте 96 лет. Книга Козеллека «Критика и кризис» и его же весьма влиятельный многотомный проект «Основные исторические поня-

тия» (*Historische Grundbegriffe*), редакторами которого были Отто Бруннер и Вернер Конце, — он основывается на методе концептуальной истории и представляет собой лексикон социально-политических понятий Германии — в равной мере следуют ключевым фигурам мысли Шмитта, прежде всего в разделах, посвященных исключительно положению, войне, миру, международному праву и государству⁵⁴. Вильгельм Грeve, представитель первого поколения учеников Шмитта и бывший член НСДАП, позднее работал послом ФРГ в Вашингтоне, Токио и НАТО. Книгу Грeve «Эпохи международного права», представляющую собой обновленную версию шмиттовского «Номоса земли», в которой великие державы выступают как носители сменявших друг друга проектов международного права, в 2000 году перевели на английский язык⁵⁵. В 1955 году Грeve сформулировал так называемую доктрину Хальштейна, провозглашавшую, что Западная Германия не будет устанавливать и поддерживать дипломатические отношения с любым государством, признавшим ГДР. В конце концов, Вилли Брандт во времена разрядки тихо похоронил эту доктрину. Список можно продолжить⁵⁶.

Данное Мерингом описание определяющего влияния, которое оказал Шмитт на широкий круг научных дисциплин и ведущих специалистов в этих дисциплинах, а также на юристов, дипломатов и судей Конституционного суда ФРГ (Меринг заверяет нас в том, что это вполне либеральная публика), вряд ли подтверждает сделанное им в начале книги заявление, будто непосредственное влияние Шмитта закончилось. Действительно, академическое признание Шмитта и его значимость для современной Германии бесспорны, но при этом и политический ренессанс Шмитта набирает силу. Отто Депенхойер в книге 2007 года «Самосохранение правового государства» (автор — профессор права в Кёльнском университете и директор Института философии государства и правовой политики) не скрывает своих неосмиттианских посылок. Книгу с одобрением рекомендовал Вольфганг Шойбле, который в то время был министром внутренних дел ФРГ, а теперь является министром финансов этой страны. Центральный тезис книги был вскоре проверен на практике самолетами «Торнадо» ВВС ФРГ, выполнявшими особую миссию: они пролетали на небольшой высоте над демонстрантами, протестовавшими против

52. Лат. «право преподавания». — Прим. пер.

53. Нем. «юбилейные сборники». — Прим. пер.

54. Koselleck R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Oxford: Berg, 1988.

55. Grewe W. The Epochs of International Law. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2000.

56. Müller J.-W. A Dangerous Mind; Darker Legacies of Law in Europe: The Shadow of National Socialism and Fascism over Europe and its Legal Traditions / C. Joerges, N. S. Chaleigh (Eds.). Oxford: Hart Publishing, 2003.

саммита «Большой восьмерки», проходившего в 2007 году в Хайлигендамме, что является нарушением конституционного разделения военных и полицейских функций в Германии⁵⁷.

Меринг, ограничивающийся немецкой сценой, не видит более широкой картины. Шмитт разбросал свое интеллектуальное наследие и «скрытые диалоги» и за пределами Германии. Его идеи, передававшиеся через немецких эмигрантов, наиболее известными из которых были Ганс Моргентау и в меньшей степени Лео Штраус, способствовали разделению исследований международных отношений в послевоенной Америке на исследования международного права, следующие легалистической, позитивистско-формалистской программе, и исследования международных отношений, учитывающие вопросы власти и политики⁵⁸. Но научное наследие выглядит безупречным по сравнению с шмиттианским различием друга и врага, которое, прикрывшись ссылкой на Штрауса и Ницше, проникло в американский неоконсерватизм. Неоконсерваторы используют сегодня основополагающее понятие политического, разработанное Шмиттом для защиты Германии от американского империализма, для культивирования экзистенциалистской этики эпохи, пришедшей на смену государству всеобщего благосостояния, — этики патриотического и героического сообщества, разделяющего американские ценности⁵⁹. Однако неоконсерватизм выходит за рамки этого статичного дуализма, дополняя различие друга и врага идеологически нагруженным дискурсом продвижения демократии и свободы, который выходит за пределы простой артикуляции геополитических различий, позволяя сформулировать динамическую теорию американского империализма, который является не «мировым правительством» и не «большим пространством», а подвижным фронтом «желания» против «нежелания», питающимся идеей управления театрами военных действий и постоянной мобилизации в исключительном положении, то есть в условиях войны без конца. Итоговый шмиттианский результат, обрисованный в доктрине Буша и реализуемый в глобальной войне с терроризмом,

57. *Depenheuer O.* Selbstbehauptung des Rechtsstaates. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2007.

58. *Sollner A.* German Conservatism in America: Morgenthau's Political Realism // *Telos*. 1987. № 72. P. 161–172; *Koskenniemi M.* The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 413–509; *Scheuerman W.* Carl Schmitt and Hans Morgenthau: Realism and Beyond // *M. Williams (Ed.)*. Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 62–91.

59. *Drolet J.-F.* A Liberalism Betrayed? American Neo-Conservatism and the Theory of International Relations // *Journal of Political Ideologies*. 2010. Vol. 15. № 2. P. 89–118.

включает *inter alia*: усиление прерогатив исполнительной власти; доктрину упреждающей войны; отмену основных гражданских свобод; тайную выдачу подозреваемых и их бессрочное заключение; применение пыток; военные преступления и отказ от применения Женевской конвенции к военнопленным. Но эти линии интеллектуальной преемственности и политических завещаний, в которых воплощена актуальность идей Шмитта, не привлекают внимания Меринга.

Нейтрализация?

Написанная Мерингом биография заканчивается смертью Шмитта и одной из приводившихся им цитат из «Одиссеи» Гомера, которая начертана также на надгробном камне Шмитта, — в ней, как в последней дымовой завесе, склеенной из слов, упоминается и *notos*. Меринг не приходит к заключению, не предпринимает попытки дать общую оценку жизни и творчества Шмитта или как-то резюмировать свою книгу. Он исчезает в тени Шмитта, за которым и оставлено последнее слово. Но ни одна биография не является просто копией жизни, даже в том случае, если она основана на исчерпывающем изучении биографических документов, что мы и видим в данном случае. Биография остается авторской конструкцией, литературным *bios*'ом. Даже если Меринг воздерживается от ценностных суждений, о беззубом послыше этой книги «без центрального положения» можно составить представление по ряду приемов, к которым прибегает автор из сочувствия к своему герою. В их числе: трактовка Шмитта как сложной и загадочной личности, акцентирование случайностей и роковых встреч, ангажемент и затруднительных положений, опасностей, таящихся в сумеречной зоне, которая пролегает между наукой и политикой, поливалентностей и полиморфизма, судьбы и фортуны. Результат применения этих приемов — размывание авторства Шмитта, которого Меринг *sotto voce*⁶⁰ превращает из активного участника в пассивную жертву неподконтрольных ему сил, так что его жизнь — трагическое скольжение по волнам истории. Его извечная страсть к самостоятельным решениям обращается в свою противоположность. «Я не принимал никаких решений; решения принимал Гитлер»⁶¹. Игра в парадоксы начинает отдавать сюрреализмом.

Та преимущественно герменевтическая позиция, которую принимает Меринг, привела к почти полному слиянию автора и изучаемого им предмета (исключение составляет лишь на-

60. *Ит.* «тихо, незаметно». — *Прим. пер.*

61. *Mehring R.* Schmitt: Aufstieg und Fall. P. 35.

цистский период жизни Шмитта). Такое переписывание биографии Шмитта, которую Меринг превращает в квазиавтобиографию, грозит тем, что голос Меринга невозможно будет услышать, поэтому в результате могут закрепиться интерпретации и стилизации, придуманные самим Шмиттом. Такое самоустранение автора мешает Мерингу сохранять дистанцию по отношению к шмиттовским постфактумным рационализациям своей жизни в эпоху катастроф — его описанию самого себя как «белой вороны», попавшей в жернова силовой политики и совращенной ею. Шмитт сравнивал себя с трагической фигурой, созданной Мелвиллом, — капитаном Бенито Серено, взятым в заложники взбунтовавшейся командой, а свой дом в Плеттенберге после войны уподоблял Сан-Кассиано, где Макиавелли уединился после вынужденного ухода из активной политической жизни. Для Меринга биография Шмитта, в сущности, характеризуется двойной утратой, воплощенной в двух военных поражениях 1918 и 1945 годов, сделавших жизнь Шмитта долгой историей разочарований, в которых, как в зеркале, отразилась история Германии XX века. Утраты и приобретения, поражение и освобождение, деятель и жертва — ни одного из этих критически важных различий нельзя провести в рамках той якобы нейтральной в ценностном отношении изоляции, которая не позволяет нам выйти за границы мира Шмитта. Дело интерпретации растворяется в сочувствии; *relata refero* — я сообщаю то, что мне сказали.

В одном из центральных пассажей своей диссертации 1989 года, посвященной Шмитту, молодой Меринг пишет:

Партийность Шмитта придает его творчеству особое значение. Всякое очарование Шмиттом-ученым должно учитывать политические последствия такого преклонения, если только оно не желает оставаться наивным. Сказанное также справедливо в отношении недавних попыток реабилитировать Шмитта через его интеллектуальное влияние и положение в гуманитарных и социальных науках: все исследования Шмитта носят политический характер, поскольку остаются в плену его партийности, которая и составляет центральный пункт его трудов⁶².

Но противостояние политическим последствиям — не в отрицании или в моралистическом негодовании и гневе, которые Меринг приберегает для нацистского периода жизни Шмитта, отделив его, впрочем, скобками от всей остальной его жизни, а в тщательном обсуждении пределов интеллектуальных построений Шмитта, а также того, что в его сочинениях является политически приемлемым — как в его времена, так и в наши.

62. *Idem*. Pathetisches Denken. P. 23.

Если Меринг, пытаясь ввести Шмитта в мейнстрим и деполитизировать его для широкой аудитории и консервативного *Zeitgeist*, отступает от своих прежних предостережений, то это указывает не только на потерю политических, нормативных и интеллектуальных координат или *Standpunkt*'а, но также на то, что незаметно для самого себя он подхватил болезнь, которую диагностировал сам Шмитт, приписав ей статус долгосрочного тренда XX века, названного им веком «нейтрализаций и деполитизаций», тогда как правдоподобие и истинность самого этого прогноза должны были быть подорваны децизионизмом Шмитта и поддержкой национал-социализма. Непрестанные разговоры о веке нейтрализации, о конце истории, после которого не будет ни левого, ни правого, подогреваемые властью имущими, сами были идеологическим упражнением высшего политического порядка — тем, что Шмитт сумел прозорливо распознать и раскритиковать. Этот простой диалектический маневр Шмитта в тексте Меринга, похоже, потерялся.

Перевод с английского Александра Калинина